

Есть сновидения-пророчества: в видениях, являющихся спящему, порой содержатся некие знаки, призванные сообщить о будущем. Такие сновидения одновременно правдивы и неясны, и даже в их неясности пребывает истина.

Синезий Киренский

Самые странные сны для умеющего проанализировать их становятся логически обусловленными, разумными.

Маркиз Д'Эрвей де Сен-Дени

Понимать язык снов — это искусство, которое, как и любое искусство, требует знаний, таланта, труда и терпения.

Эрих Фромм

ВВЕДЕНИЕ

Проблемная область исследования

Одной из принципиальных черт современной науки о языке, лежащей в русле когнитивной парадигмы, отмечается экспансионизм — активное стремление к освоению категориального аппарата и проблемных областей, принадлежащих смежным с ней гуманитарным дисциплинам (Е. С. Кубрякова). Частное проявление этой тенденции составляет поиск и освоение языкознанием новых объектов, способных особенно полно, ярко и в новых аспектах показать глубинные особенности человеческой ментальности и вместе с тем высветить наиболее важные в познавательном отношении системные свойства языка. По сути, сам этот поиск составляет в настоящее время одну из наиболее интересных и перспективных проблем языкознания. Привлечение внимания исследователей в этих условиях привлекают знаковые феномены, имеющие универсальный характер и, следовательно, связанные с глубинными психическими способностями человека, характеризующими его как вид. Важно при этом, чтобы сами эти феномены были по возможности более тесно связаны и с языком.

Вторая яркая черта современного языкознания определяется как антропоцентризм — ориентированность на человека как носителя языка и лежащие в его основе познавательные процессы. В этом плане язык обретает уже роль источника познавательных данных, а сами эти данные составляют предмет языковых исследований. По сути, таким путем исследуется человек, его познавательный и психический потенциал.

В этих условиях чрезвычайно важно найти такой объект исследования, который познавательные способности человека и репрезентативные возможности языка высвечивал бы наиболее полно и ярко. К числу таковых, несомненно, относятся сновидения. Сами по себе они составляют своеобразную «психиче-

скую универсалию» — установлено, что сны видят не только люди, но и животные. Это обстоятельство говорит об их особой психической глубине. При этом сновидения обнаруживают тесную связь с культурным сознанием человека, оказываясь в нем «культурной универсалией». Абсолютно во всех сообществах сновидения рассматривались как особые знаковые системы, в которых человек раскрывает для себя некую «иную действительность» — чаще всего будущее или некоторые скрытые обстоятельства жизни. В наше время сновидения рассматриваются как источник, позволяющий вскрыть не осознаваемые человеком глубинные содержания его психики.

Во всех случаях такого рода стратегии толкования сновидений опираются на те или иные языковые механизмы, имеющие разную степень познавательной глубины, — метафору, метонимию, прагматические расширения, паронимические связи. Также эти стратегии ориентируются на общее знаковое функционирование слов, в связи с которым возникает содержательная неопределенность сновидений.

Исходя из вышесказанного общая проблема, на решение которой направлен планируемый проект, определяется следующим образом: это глубинные структуры и механизмы человеческой ментальности, воплотившиеся в таком универсальном психическом явлении, как сновидения. Приняв точку зрения, согласно которой естественный язык является средством метаописания образов сновидений, а сами сновидения — знаки содержаний бессознательного, поставленную проблему можно определить и так: репрезентативный потенциал языка как знаковой системы бессознательного. Отсюда видится возможным решение и другой фундаментальной задачи — выявление общих принципов семантической организации бессознательного.

Современное состояние исследований по данной проблеме

Исследовательский интерес к сновидениям имеет чрезвычайно давнюю и глубокую историю, и традиции создания различных «сонников» — одно из проявлений этого интереса.

К настоящему времени в мировой науке сложились несколько направлений исследований сновидений, которые определяются по общему дисциплинарному подходу к этому феномену, по характеру знаковости, по семантическим свойствам, по определяемым факторам возникновения, по собственной глубинной природе, по источнику и т. д. В российской науке сравнительно недавно определилось новое направление — языковое, имеющее выходы на изучение стоящих за образами сновидений или их сюжетами глубинных познавательных процессов. Тем не менее можно отметить, что изучение сновидений с точки зрения особенностей языкового описания или поиск закономерностей в образной репрезентации их семантики еще только начинается. И именно современная когнитивная лингвистика вплотную подошла к глубокому и системному изучению познавательной природы сновидений.

Говоря об основных направлениях изучения сновидений в мировой науке, сложившихся к настоящему времени, можно условно отметить следующие.

Функциональное. В рамках этого направления лежат еще труды Гиппократов, настаивавшего на том, что сны указывают на физическое состояние, телесные недуги, психические заболевания человека. В рамках этого направления находятся и представленные в различных исторических и культурных источниках рассуждения о вещих снах, функцию которых составляет углубление знаний человека о сущем. Яркий пример исследования подобного рода — труд древнегреческого писателя Артемидора Лидийского «Онейрокритика (2-я половина II века н. э.), где была дана обширная функциональная классификация сновидений, в значительной мере вскрывающая их семантическую и психологическую природу. Функциональными по своей направленности являются мифологические и религиозные подходы к сновидениям: они рассматриваются либо как средство реального постижения человеком «иных измерений» действительности, либо как средство раскрытия будущего.

Психологическое. Данное направление сложилось в начале XX века в связи с формированием теории и практики психо-

анализа З. Фрейда. В рамках этого направления образы сновидений рассматриваются как знаки бессознательного. Находясь за пределами любых концептуальных систем и оставаясь недоступным для какого-либо языкового выражения, бессознательное открывает себя человеческому сознанию в зрительных образах сновидений. Согласно этой теории сновидения суть «отблески» бессознательного, и их анализ позволяет так или иначе проникнуть в него. При этом, по Фрейду, содержание бессознательного составляют вытесненные желания — большей частью асоциальные, сексуальные или агрессивные. Таким образом, толкование сновидений в психоанализе ведет к прояснению скрытых сексуальных и агрессивных желаний человека. Само такое толкование Фрейд призывал осуществлять с двух позиций: либо рассматривать собственно образы сновидений и определять их как символы (в связи с этим он обращался к символическим формам культуры), либо рассматривать слова, называющие эти образы, и при толковании сновидений обращаться к другим словам, созвучным данным (в этом плане Фрейд продолжил некоторые установки Артемидора Лидийского).

Иначе подошел к этой проблеме К. Г. Юнг. Соглашаясь с существованием бессознательного, он определил его содержания как исторически закрепившиеся на глубинных уровнях психики любого человека (и, соответственно, всех людей) особые абстрактные образы, инвариантные конкретным образам восприятий, — он назвал их архетипами коллективного бессознательного. Эти архетипические содержания показывают себя в сновидениях, и, по Юнгу, анализируя сновидения, можно выявить глубинные содержательные доминанты человеческой психики. Образы сновидений рассматриваются при этом как символы архетипических содержаний.

В последующие годы сложились некоторые другие концепции природы сновидений, также лежащие в русле психологического направления. В частности, А. Бергсон считал сны непроизвольными воспоминаниями. Но они приходят из глубин

психики — из бессознательного. И знаковость их, по Бергсону, является образной, поэтому и анализироваться такие сны должны как образы.

На противоположных позициях стоял Санте де Санктис, который считал, что и бодрствование, и сновидение — это два модуса единого человеческого сознания. То и другое находятся в состоянии колебания в смысле различной степени их глубины, и совпадения или расхождения в фазах этого колебания определяют психические состояния человека — начиная бодрствованием и заканчивая сном, интуитивными озарениями или мистическим экстазом. По мнению Санте де Санктиса, сны по природе своей образны и либо не связываются с концептуальными системами языка, либо подвергаются глубоким образным преобразованиям («износу», пополнению, искажению, диссоциации). Во всех случаях образы сновидений могут быть содержательно истолкованы с позиций символизма, и язык никак не связывается с этим толкованием.

Языковое. Данное направление сложилось в начале XXI века в России (А. А. Кибрик, В. И. Подлесская). В рамках этого направления рассматриваются такие параметры вебальной репрезентации сновидений, как просодическое и семантико-синтаксическое членение речевого потока, паузация, тональные аспекты, темповые различия, иллокутивная и фазовая структуры, полипредикативность, речевые сбои, затруднения и др. Исследование данных характеристик с когнитивной точки зрения позволяет по-новому увидеть особенности грамматического устройства языка. Кроме того, их сопоставительное рассмотрение в отношении «психологическая норма — ее нарушение» вывело эти исследования на уровень прикладных. Однако и в этом случае естественный язык не рассматривается как средство метаописания семантики сновидений и источник данных об их глубинной познавательной природе.

Данное исследование имеет когнитивно-семантическую направленность. В нем когнитивная природа сновидений рассматривается в преломлении сквозь призму их вербального описания и одновременно выявляются новые характеристики семантической системы языка.

Аспекты новизны исследования

Традиционно сновидения рассматривались как образные репрезентации соответствующих содержаний. При этом имел место символический принцип их толкования, в соответствии с которым образы сновидений понимались как знаки иных событий или обстоятельств последующей реальной жизни. Так, *дерево* могло пониматься как образ чего-то фундаментального и неизблемого (ср. сон Навуходоносора, в котором огромное дерево — он сам и его царство (Даниил 4: 1—25)); *движение вверх* связывалось с успехом, свернутая веревка — с запутанностью в делах, в понимании событий, *грязная вода* — с чем-то плохим, конфликтностью, проблемами. Особое положение в этом плане занимает подход Гиппократов, при котором образы сновидений определяются как знаки состояний организма («видеть землю, затопляемую водой или морем, указывает на болезни, ибо это значит, что в теле находится много влаги»; «пить прозрачную воду — хороший знак»; «переправа через реку, тяжело вооруженные воины, враги, чудовища странной формы — все это указывает на болезнь или бред»).

Однако еще в Античности определился и иной принцип интерпретации образов сновидений, при котором во внимание бралось их языковое описание и дальнейшему анализу подвергались уже единицы языка. При этом предписывалось осуществлять со словами самые разные операции — переставлять, менять, прибавлять буквы или слоги; даже указывалась целесообразность поиска иных слов, равных исходному по числовому значению (Артемидор Лидийский). Впоследствии этот способ использовал З. Фрейд при психоаналитическом толковании сновидений. Однако во всех случаях этот принцип использовался стихийно и без необходимого осмысления его теоретической базы.

Новизна задачи, решаемой в настоящем исследовании, определяется теоретико-методологической установкой на рассмотрение образов сновидений с точки зрения естественного языка как средства метаописания их содержания. Современная языковая теория, лежащая в русле когнитивной парадигмы, разра-

ботанные в последние десятилетия методы лингвистических исследований обещают в этом плане новые и интересные результаты.

Относительно новыми и значимыми являются некоторые частные вопросы, которые решаются в рамках данного исследования. Так, в нем рассмотрен с когнитивной точки зрения анаграмматический принцип в метаописании семантики сновидений, и на этой основе представлена дальнейшая разработка познавательной теории анаграмм. Сегодня такая теория отсутствует.

Новизна задач, решаемых в исследовании, определяет и новаторский характер его общих результатов. К настоящему времени наука о языке и человеке не располагает данными относительно познавательных механизмов такого важного и психически глубокого феномена, как сновидения. Данное исследование позволяет этот пробел восполнить.

Методологические подходы к материалу

Новый подход к проблеме метаязыкового потенциала языка в отношении сновидений может быть определен как когнитивно-языковой. Он предполагает переход от непосредственно данной образности сновидений сначала к их языковому метаописанию, а затем к их глубинным семантическим структурам и механизмам.

Конкретные методы подобного перехода в современной когнитивной лингвистике разработаны уже достаточно хорошо и предполагают анализ таких явлений, как метафора, метонимия, прагматическое расширение, паронимические сближения, анаграммы. Кроме того, важную роль в этом плане играет компонентный анализ, в том числе и по базовым семантическим оппозициям типа «большой — маленький», «высокий — низкий», «прямой — кривой», «мужской — женский», «хороший — плохой» и др. Наконец, в исследовании осуществлялись анализ общего семиотического функционирования ключевых образов в

структуре сновидений и разработка типологии в этой сфере, что позволило создать опытный словарь ключевых образов сновидений.

Говоря о подходах к проблеме метаязыкового потенциала языка в отношении образов сновидений, следует отметить и некоторые логико-философские идеи Л. Витгенштейна. В частности, он постулировал существование особой содержательной области, находящейся по ту сторону языка и языкового мышления, — *невысказываемого* (Unaussprechliches). Его невозможно описать, используя средства естественного языка, но оно само может открыть себя человеку в образе. Образны и сновидения, причем эта образность, согласно З. Фрейду и К. Г. Юнгу, вскрывает содержания бессознательного. Отсюда можно заключить, что сновидения раскрывают невысказываемое, и существует возможность «прочитывания» посредством естественного языка образов сновидений, которые являются знаками этого невысказываемого.

Актуальность исследования

Актуальность данной проблемы для современной науки о языке обусловлена по меньшей мере двумя моментами, связанными с широко распространившейся тенденцией к антропоцентризму. Во-первых, это значительный интерес к языковой личности как носителю знаний о мире и одновременно результату освоения данных знаний. В соответствии с этим в языкознании предметом научного интереса выступает человек в его содержательности, важнейшую и основную часть которой составляют содержания бессознательного. Именно в бессознательном лежат содержательные основы человеческой личности; в нем кроются истоки интенциональности человека, многие основания выносимых им оценок, принимаемых решений, осуществляемого выбора. В бессознательном лежат и основы научного и художественного творчества, с ним связаны явления интуитивных озарений. И современная лингвистика с имеющимся у нее теоретическим аппаратом и методологическим инструментарием способна внести ясность в этот вопрос — объяснить челове-

ку его самого, его собственный внутренний мир. В настоящее время нет задачи важнее. Известный шотландский психиатр Рональд Лэнг, работающий в смежной с когнитивной лингвистикой дисциплине, писал по этому поводу так: «Мы уважаем путешественника, исследователя, покорителя вершин, космонавта. Для меня же гораздо больший смысл имеет в качестве актуального проекта — на самом деле настоятельно необходимого нашему времени — исследование внутреннего пространства и времени сознания. Вероятно, это одна из немногих вещей, все еще имеющих смысл в нашем историческом контексте».

Во-вторых, исследование проблемы языка сновидений с когнитивно-языковой точки зрения актуально в силу интереса к языку в аспекте иерархии его системных свойств. В этом плане возникает ряд весьма важных и интересных вопросов. Действительно ли содержательная система языка имеет иерархический характер? Как соотносятся образы сновидений и естественный язык? Как осуществляется метаязыковая функция естественного языка по отношению к образам сновидений? Отличается ли синтаксис метаязыка, описывающего образы сновидений, от синтаксиса естественного языка? Каковы алгоритмы толкования сновидений при обращении к естественному языку? Каковы собственные семантические и синтаксические особенности образного языка сновидений? Эти и близкие им вопросы рассматриваются в данной монографии.